

Язык войны и язык мира: поэтика и стилистика в публицистике и в литературе XIX века

Война и мир всегда были экзистенциальными условиями человеческих обществ: со времен Платона, по сути, очевидна связь между порядком души и порядком города, так же как со времен Гомера очевидной оказывается связь между антропологическим «фоном» жестокости и военной практикой, чья трагическая эффективность шествовала рука об руку с развитием техники, особенно современной. Таким образом, в основе биннома *война/мир* лежит философский, а также политический и антропологический вопрос о зле, особенно в его отношениях с властью.

Отсюда внутренние противоречия в триангуляции между властью, войной и миром. Используется ли власть для сдерживания насилия или для его увеличения? Должен ли мир обеспечиваться «сверху» (т. е. силой), или он должен развиваться «снизу» (т. е. с анархистской точки зрения)? Является ли человеческая природа по своей сути общительной или агрессивной? Означает ли «*война — мать всех вещей*» — древняя истина Гераклита, что война является также «целью» становления бытия? Положительный ответ на последний вопрос напрямую противоречил бы древнегреческому и филологическому пониманию «символа» — знак мира между людьми и союз видимого и невидимого.

Учитывая исторические условия человеческих обществ, организованных иерархически, можно ли считать всеобщее и постоянное состояние мирного бытия возможным или утопическим? Основная цель этого тематического раздела журнала состоит именно в критическом осмыслении этих вопросов через интерпретацию теорий войны и мира, пересекающих как некоторые моменты российской и итальянской истории, так и экзистенциальный, творческий и интеллектуальный опыт авторов и деятелей русской и итальянской культуры.

На самом деле речь идет не о выработке и обосновании морального суждения — пусть даже очевидного — о войне и мире, а о понимании некоторых концептуальных различий и практических преобразований, произошедших в западной и российской истории и весьма оригинально или специфически отразившихся особенно в российской литературе и публицистике XIX века, от критического утверждения Герцена, что государство в России появилось как оккупационная сила, до имперских и эсхатологических амбиций панславизма.

Вспомним слова Петра Яковлевича Чаадаева из «Апологии сумасшедшего»: *«Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы, прежде всего, обязаны родине истиной»*. Данное высочайшее моральное напряжение показывает, насколько актуальны до сих пор дебаты, дискуссии и конфликты XIX века.

В связи с этим мы не смогли хронологически ограничиться лишь XIX веком; необходимо также взглянуть и на проблемы становления советского государства, о чем написал в своей статье А.Н. Аверюшкин. В статье С.Ф. Вититнева и А.В. Шмелевой рассматривался определенный и яркий пример военной журналистики. В статье Е.В. Гусевой прекрасно описана свобода в творчестве Достоевского — в символическом ключе. У Достоевского есть осознание того, что *libertas minor* («низкая свобода» западных схоластиков) как в отказе от спасения, так и в управлении физическими, материальными, социальными и политическими свободами и благами не может и не должна быть запросто принесена в жертву чисто духовной *libertas maior* («высшая свобода») уподобиться Богу. Эта *libertas maior* есть не что иное, как та любовь к ближнему, к себе и к Богу, которую Григорий Палама (1296-1359 гг.) — чье учение о «материальности» божественной «энергии» было принято и на Востоке, и на Западе — определил как «древнее достоинство свободы». Речь идет о той же свободе, которую Кант назвал самым таинственным ноуменом.

Именно об этом пишет Достоевский в «Записках из Мертвого дома»: тут все направлено на свободу, новую жизнь, воскресение из мертвых. В русском языке очень плодотворной оказывается особая связь между словами «свобода» и «воля»: «воля» может быть синонимом как «свободы», так и «желания». Поэтому идеалу «высокой» свободы бескорыстной любви соответствует у Достоевского еще и очень глубокое понимание «малой и сладкой свободы», «волнушки», «слаще хлеба, прекраснее солнца», по известной русской поговорке, цитируемой в «Хозяйке»; та самая «волнушка», которую заключенные с удовольствием дают орлу в «Записках из Мертвого дома»; а также, то спонтанное и сугубо личное желание, ради которого главный герой «Записок из подполья» предпочитает пить чай, а не участвовать в прогрессе или в коллективном «спасении» мира.

Тоталитаризм встречается и в тех режимах, которые на алтарь свободы «в духе», также идеализированном, приносят в жертву социальные и политические свободы, обещая, и чаще всего не реализуя, экономическое благополучие — вопрос, который был весьма актуален в XIX веке, смотревшем с опаской на торжествующую индустриальную цивилизацию, в связи с чем многие философы и писатели того времени ставили перед собой именно задачу оставить потомству адекватное морально-идеальное наследие, способное иметь дело с будущим, полным обещаний и угроз. Только не исключительно «добрая», но «сильная» воля спасает человека: эта истина присутствует повсюду в трагическом и активном гипертексте свободы и надежды, из которых сотканы произведения Достоевского. Достоевский в особенности видит, как немногие другие, проблему измененного колебания между материализмом и мистицизмом, свойственную русскому религиозному сознанию и общему духу — проблему, из которой искаженная власть всегда готова извлечь выгоду.

О Достоевском пишет — как обычно, весьма оригинально — также И.В. Дергачева, на этот раз в честь Бориса Тихомирова. В статье

Н.Е. Домрачева исследуется важнейший пример дипломатической деятельности, хотя и за пределами XIX века. Дипломатия, на наш взгляд — скорее тончайший язык этики, нежели прагматическая необходимость. Конфликт — логическое следствие множественного характера общего бытия, поскольку для него всегда характерно наличие различных и нередко противоположных интересов, как национальных, так и социальных. Дипломатия — единственный язык, на котором данные интересы могут обсуждаться. М.А. Дорожкина, В.Г. Леонтьев и М.Е. Яковлев в своей статье задают интереснейший вопрос о том, «*каким другом была для императорской России Британия?*» В статье И.В. Канель объектом исследования становится итальянский Рисорджименто, а предметом является наследие идей Данте Алигьери об итальянском национальном единстве в идеологии Джузеппе Мадзини — основоположника проекта союза Европы. Интереснейшая и уникальная по оригинальности статья Б.Г. Кипниса посвящена той стороне деятельности Наполеона Бонапарта, которая реже привлекает внимание: Наполеон-публицист. Исследуется мемуарное творчество императора, созданное на острове Святой Елены. В статье молодого итальянского исследователя Саши Чеппаруло в новом ракурсе изучается эстетика Бенедетто Кроче, главного представителя итальянского идеализма, жизнь и творчество которого занимают вторую половину XIX века и первую половину XX века. В статье куратора общего раздела и автора данного введения Стефано Марии Капилупи рассматривается вопрос о том, как в русской эсхатологии — православной и «светской» (в смысле специфической «религиозности», касающейся в том числе советской и постсоветской идеологии) — можно часто заметить сдвиг неизбежного напряжения сердца верующего (которое должно, напротив, принять и сохранить обе стороны иудео-христианской эсхатологии: «уже и еще нет» полного присутствия Царствия Божьего и победы над смертью) либо по вертикали, в сторону литургического или государственного триумфализма, либо по горизонтали, в сторону утопии. Нередко жертвой этих разных видов радикализма оказывается индивидуальная свобода.

Общая мозаика нашего тематического раздела сложилась в итоге из российских и итальянских примеров исторического изучения конфликтов, мира и свободы. Авторы надеялись внести оригинальный вклад в научный и межкультурный диалог, столь необходимый в это сложное время.

Стефано Мария Капилупи, приглашенный редактор журнала «Язык и текст», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация